ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Бузаджи (Buzadji) против Республики Молдова»[1]

(Жалоба № 23755/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ[2]

г. Страсбург, 5 июля 2016 г.

По делу «Бузаджи против Республики Молдова» Европейский Суд по правам человека (Большая Палата), заседая в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Палаты*,
Андраша Шайо,
Ишиль Каракаш,
Ангелики Нуссбергер,
Дмитрия Дедова,
Леди Бианку,
Ноны Цоцория,
Нейбоши Вучинича,
Винсента А. де Гаэтано,
Эрика Мёсе,
Пола Махони,
Кшиштофа Войтычека,
Валерия Грицко,
Фариса Вехабовича,
Роберта Спано,
Бранко Лубарда,
Йонко Грозева, *судей*,

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в открытых слушаниях 7 октября 2015 г. и 4 мая 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 23755/07, поданной против Республики Молдова в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Республики Молдова Петру Бузаджи (*Petru Buzadji*) (далее – заявитель) 29 мая 2007 г.

2. Интересы заявителя представлял Ф. Нагачевский (*F. Nagacevschi*), адвокат, практикующий в г. Кишинёве. Власти Республики Молдова были представлены Уполномоченным Республики Молдова при Европейском Суде Л. Апостолом (*L. Apostol*).

3. Заявитель утверждал, в частности, что его содержание под стражей до суда не имело достаточного и соответствующего обоснования, как того требует пункт 3 статьи 5 Конвенции.

4. Жалоба была направлена в Третью Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Постановлением от 16 декабря 2014 г. Палата этой Секции большинством своим объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и большинством голосов постановила, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции. Палата Суда заседала в следующем составе: Йозепа Касадеваля, Председателя Секции, Луиса Лопеса Герра, Яна Шикуты, Драголюба Поповича, Кристины Пардалос, Валерия Грицко и Юлии Антоанеллы Моток, судей, а также Стивена Филлипса, Секретаря Секции Суда. Четверо судей (Йозеп Касадеваль, Луис Лопеса Герра, Драголюб Попович и Юлия Антоанелла Моток) представили особые мнения. 16 марта 2015 г. власти государства-ответчика ходатайствовали о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 20 апреля 2015 г. коллегия Большой Палаты Суда удовлетворила это ходатайство.

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда. На заключительных прениях судьи Дмитрий Дедов и Роберт Спано заменили судей Дина Шпильманна и Георга Николау, которые не смогли принять участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Суда).

6. Заявитель и власти Республики Молдова представили в Европейский Суд свои дополнительные письменные объяснения по существу дела (пункт 1 правило 59 Регламента Суда).

7. Открытое заседание по делу было проведено во Дворце прав человека в г. Страсбург 7 октября 2015 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейском Суде выступили:

(a) со стороны властей Республики Молдова:

Л. Апостол, Уполномоченный Республики Молдова;

(b) со стороны заявителя:

Ф. Нагачевский, адвокат.

[1] Перевод с английского языка Ю.Ю. Берестнева.

[2] Настоящее Постановление вступило в силу 5 июля 2017 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

Европейский Суд выслушал обращения указанных лиц, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1947 году в г. Комрате (*Comrat*), Республика Молдова.

A. ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

9. Заявитель являлся миноритарным акционером и генеральным директором государственной компании (в которой государству принадлежало 82% акций) из южной части Республика Молдова, поставляющей сжиженный газ. В июле 2006 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело в связи с предполагаемой неудачной попыткой мошенничества, связанного с его деятельностью в компании. В частности, заявитель обвинялся в том, что в период с 2000 по 2006 год он разработал схему с участием импорта сжиженного газа из Казахстана и Украины, в результате чего компания понесла значительные финансовые потери. Согласно материалам обвинения, вместо покупки газа непосредственно у производителей, заявитель обратился к услугам посреднических компаний, что привело к значительному росту цены на газ. Эти посреднические компании также имели отношение к сыновьям заявителя. Позже, когда компании заявителя было предъявлено исковое заявление от посреднических компаний на сумму 594 067 долларов Соединенных Штатов Америки плюс комиссия за просрочку, заявитель в ходе судебного производства по делу признал эту задолженность.

10. В связи с этим в июне 2006 года заявитель был вызван в следственные органы для дачи показаний. В свою защиту заявитель утверждал, что его компания не могла покупать газ непосредственно у производителей, поскольку минимальное количество, которое производители соглашались продавать, превышало потребности его компании за пять лет. Следовательно, его компания просто не могла приобрести необходимый объем газа непосредственно у производителей. Кроме того, производители работали только на условиях 100% предоплаты, а его компания не имела свободных средств. Он утверждал, что все внутригосударственные импортеры газа использовали тот же метод импорта газа и что цена на газ, приобретаемый его компанией, была ниже, чем на свободном внутреннем рынке. Он также утверждал, что ценовая разница между ценой от производителей и ценой, которую платила его компания, объяснялась транспортными издержками, сертификацией, обработкой, страхованием и другими факторами. Он также отрицал участие его сыновей в деятельности посреднических компаний.

11. Заявителя вызывали для дачи показаний несколько раз, в каждом случае он являлся в следственные органы и сотрудничал с ними. В октябре 2006 года в доме заявителя был произведен обыск, был конфискован его персональный компьютер и изъяты различные документы. Из материалов дела не следует, что имели место какие-либо случаи, когда заявитель отказывался исполнять требование следователей и/или что его когда-либо обвиняли в препятствовании расследованию.

12. Сыновья заявителя, которые также являлись подозреваемыми в уголовном деле и которым впоследствии были предъявлены обвинения, были вызваны в следственные органы и не были задержаны. Позже в отношении заявителя были возбуждены 14 различных дел, и все они были объединены в одно производство.

B. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ, КАСАЮЩЕЕСЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

1. Содержание под стражей в порядке предварительного заключения (*arestarea preventivă*)

13. 2 мая 2007 г. заявитель был задержан, и 5 мая 2007 г. ему было официально предъявлено обвинение в попытке незаконного присвоения значительной части продукции, принадлежащей компании, в которой он работал, а именно в связи с фактами, изложенными в § 9 настоящего Постановления. В тот же день прокурор, который вел это дело, представил в Суд района Буюкань (*Buiucani*) г. Кишинева ходатайство о выдаче постановления на применение к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 30 дней по следующим основаниям: серьезность правонарушения, риск оказания давления на свидетелей, а также риск совершения повторного правонарушения.

14. Заявитель возражал против обвинения и утверждал, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление. В частности, он утверждал, что уголовное дело в отношении него было ничем иным, как средством влияния на исход предстоящего гражданского судопроизводства, касающегося задолженности государственной компании и компаний-посредников. В любом случае основания, на которые ссылался прокурор, были шаблонными, и прокурор не объяснил основания своей убежденности в том, что заявитель попытается оказать давление на свидетелей или совершить новое правонарушение. Заявитель утверждал, что он был известным человеком в регионе, проработал в своей компании более 30 лет. У него было постоянное место жительства, он сотрудничал со следствием с июля

2006 года и не пытался скрыться или воспрепятствовать расследованию. Кроме того, он ссылался на свой возраст и плохое состояние здоровья, заявив, что перенес сердечный приступ и инсульт.

15. 5 мая 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева частично поддержал ходатайство прокурора и санкционировал содержание заявителя под стражей до суда на срок 15 суток. Суд постановил, что:

> «…деяние, в котором обвиняется заявитель, считается особо тяжким преступлением, которое предусматривает содержание правонарушителя под стражей до суда. [Суд] учитывает характер и серьезность правонарушения, а также сложность дела, и считает, что на данном начальном этапе расследования имеются разумные основания полагать, что обвиняемый может вступить в сговор с другими лицами (своими сыновьями, которые не были допрошены), с целью выработать общую позицию.
>
> Другие основания, на которые ссылается прокурор, а именно риск того, что он скроется и окажет давление на свидетелей или уничтожит доказательства, не являются обоснованными и маловероятны».

16. Заявитель обжаловал это постановление, утверждая, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление. Он напомнил свое предыдущее заявление о том, что уголовное производство преследовало скрытую цель оказать влияние на исход предстоящего гражданского судопроизводства между компанией, в которой он работал, и третьей компанией. Он также утверждал, что основание, приведенное судом для его помещения под стражу в порядке предварительного заключения, а именно риск того, что он вступит в сговор со своими сыновьями, не упоминалось прокурором. Более того, двум его сыновьям не было предъявлено обвинение, и в любом случае, если бы они хотели это сделать у них было достаточно времени для сговора в период с июля 2006 года, когда они впервые узнали о расследовании, по май 2007 года. Заявитель также ссылался на плохое состояние здоровья и указывал, что являлся известным человеком, имеющим семью, постоянное место жительства и работу в Республике Молдова, что он являлся в следственные органы каждый раз, когда его вызывали в период с июля 2006 года по май 2007 года.

17. 8 мая Апелляционная палата г. Кишинева оставила постановление от 5 мая 2007 г. без изменения, сославшись на те же основания, которые привел суд предыдущей инстанции, не указав никаких причин для отклонения доводов, приведенных заявителем.

18. 11 мая 2007 г. прокурор, который вел дело, ходатайствовал перед судом о продлении срока содержания заявителя под стражей до 30 суток. Он ссылался на такие основания, как тяжесть преступления, риск совершения нового преступления, а также риск того, что заявитель мог скрыться.

19. Заявитель возражал, утверждая, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление и не было оснований полагать, что окажет давление на свидетелей, которые уже были допрошены. Заявитель также подчеркнул, что до своего задержания он активно сотрудничал со следствием, а также что у него было постоянное место жительства. В связи с этим заявитель просил суд изменить меру пресечения в виде содержания под стражей на менее строгую. Один из его адвокатов просил суд избрать менее строгую меру пресечения, например, домашний арест, вместо содержания под стражей.

20. 16 мая 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева продлил срок содержания заявителя под стражей до 20 суток. После повторного изложения позиций сторон и ссылки на применимые положения законодательства, суд постановил, что:

> «…основания, по которым применена превентивная мера [содержание под стражей], все еще остаются в силе, большинство следственных действий было проведено, но ряд дополнительных мер, требующих участия [заявителя], по-прежнему необходимы для направления дела в суд первой инстанции. Суд считает, что ходатайство со стороны защиты о замене меры пресечения является преждевременным, принимая во внимание серьезность и сложность дела, необходимость защиты общественного порядка и общественных интересов, а также обеспечение последовательного и объективного хода расследования».

21. Заявитель подал кассационную жалобу, приведя в качестве основания те же доводы, что и ранее.

22. 22 мая 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева оставила постановление от 16 мая 2007 г. без изменения. По существу Апелляционная палата сослалась на те же основания, что и в постановлении от 8 мая 2007 г., а именно на тяжесть совершенного преступления и сложность дела, риск того, что заявитель может скрыться или оказать давление на свидетелей, риск уничтожения письменных доказательств, которые еще не были собраны прокурорами.

23. 1 июня 2007 г. прокурор, который вел дело, ходатайствовал о продлении срока содержания заявителя под стражей в порядке предварительного заключения еще на 30 суток. Он утверждал, что дело было сложным и что в контексте того же судопроизводства против заявителя были выдвинуты новые обвинения: теперь ему были предъявлены обвинения в злоупотреблении своим положением и превышении своих полномочий. Как и ранее, прокурор считал, что продление срока содержания под стражей было необходимо для того, чтобы избежать риска оказания заявителем давления на свидетелей и риска совершения нового правонарушения.

24. Заявитель возражал и ходатайствовал о замене меры пресечения в виде содержания под стражей на менее строгую. Он привел то же обоснование, что и раньше, и утверждал также, что его состояние здоровья существенно ухудшилось в период содержания под стражей и ему необходима медицинская помощь.

25. 5 июня 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева продлил срок содержания заявителя под стражей в порядке предварительного заключения еще на 20 суток, указав, что основания для непрерывного содержания заявителя под стражей сохраняли свою актуальность

26. Заявитель подал кассационную жалобу, утверждая, *inter alia*, что сложность дела, на которую ссылался прокурор, возникла после преднамеренного отказа последнего провести аудиторскую проверку компании или опросить свидетелей, указанных заявителем. Он также оспаривал утверждение, касавшееся тяжести вмененного ему в вину преступления, отметив, что его обвиняли в попытке совершить преступление, а не в совершении преступления. Заявитель утверждал, что компания не понесла фактических потерь и что суд не принял во внимание индивидуальные обстоятельства обвиняемого.

27. 11 июня 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева оставила постановление суда нижестоящей инстанции без изменения, постановив, что оно было вынесено в соответствии с законодательством. Палата также отметила, что заявитель обвинялся в особо тяжком преступлении, предусматривающем наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет, и что расследование еще продолжается. Палата постановила, что, в случае освобождения заявитель может скрыться или оказать давление на свидетелей.

28. 21 июня 2007 г. прокурор, ведущий дело, вновь ходатайствовал о продлении срока содержания заявителя под стражей еще на 30 суток.

29. Заявитель возражал на том основании, что отсутствовали какие-либо причины полагать, что он мог скрыться или оказать давление на свидетелей. Заявитель подчеркнул, что в течение длительного времени прокурором не проводилось каких-либо следственных мероприятий и что расследование было практически завершено. Заявитель еще раз напомнил, что он имеет постоянное место жительства и он согласился являться к следователям, когда это необходимо. Он предоставил медицинское заключение от 18 июня 2007 г., согласно которому, *inter alia*, у него были диагностированы гипертония и небольшой паралич правой ноги вследствие инсульта. Врач рекомендовал ему пройти лечение в неврологической клинике. Заявитель просил суд отклонить ходатайство прокурора и применить менее строгие превентивные меры, такие как условное освобождение или домашний арест.

30. 26 июня 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева отклонил ходатайство прокурора и удовлетворил просьбу заявителя, постановив, чтобы он находился под домашним арестом в течение 30 суток. Суд постановил, что:

> «…Заявитель находился под стражей в течение 55 суток и участвовал во всех необходимых следственных действиях …Пункт 3 статьи 5 Конвенции предусматривает презумпцию того, обвиняемый должен быть освобожден до суда … определенные доказательства, которые ранее могли быть достаточными для оправдания [содержания под стражей] или для того, чтобы сделать альтернативные превентивные меры необоснованными, со временем могли стать менее убедительными …Именно прокурор должен доказать наличие риска того, что заявитель может скрыться, и такой риск не может быть доказан только ссылкой на серьезность возможного наказания [суд сослался на медицинское проблемы заявителя, на его возраст, отсутствие судимости, наличие постоянного места жительства и статус женатого человека]. Согласно прецедентной практике [Европейского Суда] содержание под стражей до суда должно являться исключительной мерой, всегда быть объективно обоснованной и соответствовать общественным интересам. Суд считает, что крайне неправдоподобно, что [заявитель] может скрыться, оказать давление на свидетелей или уничтожить доказательства, и что нормальный ход уголовного расследования возможен, пока заявитель будет находиться под домашним арестом».

Суд района Буюкань г. Кишинева установил следующие условия для домашнего ареста заявителя: запрет покидать дом, запрет на пользование телефоном, запрет на обсуждение его дела с любым третьим лицом.

31. Заявителя немедленно доставили домой, где он находился три дня. Однако прокурор обжаловал вышеупомянутое постановление и привел в качестве одного из оснований для продолжения содержания заявителя под стражей тот факт, что заявитель отказался признаться в совершении преступления, вмененного ему в вину.

32. 29 июня 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева отменила постановление от 26 июня 2007 г. и вынесла новое постановление, санкционирующее содержание заявителя под стражей до суда в течение 20 суток. Апелляционная палата г. Кишинева постановила, что:

> «…суд нижестоящей инстанции не принял во внимание сложность дела и тяжесть преступления, которое вменяется в вину [заявителю]. Суд считает, что, находясь под домашним арестом, [заявитель] может общаться с сообщниками, которые не находятся под домашним арестом, и которые, более того, являются его сыновьями, он может скрыться, сбежав в [самопровозглашенную и непризнанную Приднестровскую Молдавскую Республику], которая не находится под контролем молдавских властей. Он мог оказать давление на свидетелей, чтобы заставить их изменить свои показания. Заявителя посещали врачи, и он мог получить медицинскую помощь, находясь в тюрьме».

33. 11 июля 2007 г. прокурор, который вел дело, повторно ходатайствовал перед судом о продлении срока содержания заявителя под стражей. Он привел те же доводы, что и ранее.

34. 16 июля 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева продлил срок содержания заявителя

под стражей до суда на 20 суток. Суд еще раз обосновал это тем, что заявитель обвинялся в совершении тяжкого преступления и что он мог скрыться или воспрепятствовать проведению расследования.

35. Заявитель подал жалобу, приведя те же доводы, что и ранее.

2. Домашний арест (*arestarea la domiciliu*)

36. 20 июля 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева отменила постановления суда предыдущей инстанции и вынесла новое постановление, изменив превентивную меру на домашний арест. Апелляционная палата г. Кишинева постановила, что:

> «прокурор не представил никаких доказательств, подтверждающих необходимость в содержании [заявителя] под стражей, не предоставил дополнительных материалы, подтверждающих вероятность того, что [заявитель] мог оказать давление на свидетелей, которые уже были заслушаны. [Заявитель] обещает являться в следственные органы каждый раз, когда это будет необходимо, и отсутствует какая-либо конкретная информация о каком-либо риске того, что он может скрыться».

Суд также запретил заявителю общаться с лицами, которые были каким-либо образом связаны с его уголовным делом, и покидать свой дом, а также обязал его звонить в прокуратуру каждый день.

37. 14 сентября 2007 г. Суд района Комрат рассмотрел ходатайство прокурора о продлении домашнего ареста на 90 суток. Заявитель не возражал против продления домашнего ареста при условии, что меры, касающиеся ограничения его общения с родственниками, будут сняты. Суд удовлетворил ходатайство прокурора и постановил продлить срок домашнего ареста на 90 суток. Суд также удовлетворил ходатайство заявителя и снял ограничения на его общение с родственниками. Единственным доводом, приводимым судом, была тяжесть преступления, вмененного заявителю в вину.

38. 14 декабря 2007 г. Суд района Комрат вновь продлил срок домашнего ареста заявителя на 90 суток. Единственным доводом, приводимым судом, была тяжесть преступления, вмененного в вину заявителю. Заявитель не возражал против продления, если ему разрешат посетить больницу и суд для ознакомления с материалами дела.

39. В неустановленную дату заявитель подал в Суд района Комрат ходатайство о *habeas corpus*[1] с просьбой изменить меру пресечения с домашнего ареста на временное освобождение или освобождение под залог. Он утверждал, что никогда не нарушал правил домашнего ареста и что он и дальше будет выполнять все предписания следственных органов.

40. 12 марта 2008 г. Суд района Комрат принял решение об освобождении заявителя под залог, отметив, что он находился под домашним арестом более десяти месяцев и никогда не нарушал ограничений, наложенных на него.

С. ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

41. 9 июня 2011 г. с заявителя были сняты все обвинения, в связи с которыми он содержался под стражей и находился под домашним арестом в период со 2 мая 2007 г. по 12 марта 2008 г. Суд установил, что не было совершено какого-либо правонарушения в отношении фактов, вмененных заявителю в вину. В то же время заявитель был оправдан по 13 другим обвинениям, предъявленным ему, и был признан виновным по одному пункту, а именно в незаконной продаже сжиженного газа, который был конфискован судебным приставом, и в связи с этим правонарушением заявитель был приговорен к штрафу в размере 20 000 молдавских лей (приблизительно 1 000 евро). Ни заявитель, ни прокурор не обжаловали данное решение, которое стало окончательным. Сыновья заявителя были оправданы.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

42. В варианте, действовавшем в рассматриваемое время, положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова предусматривали следующее:

> «…**Статья 166. Основания для задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления**
>
> (1) Орган уголовного преследования вправе задержать лицо, если имеются разумные подозрения в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более одного года, лишь в следующих случаях, если:
>
> 1) лицо было задержано на месте преступления;
>
> 2) свидетель, или пострадавший, прямо указывают на данное лицо как на лицо, совершившее преступление;
>
> 3) на теле или одежде, в доме или в транспортном средстве подозреваемого обнаружены явные следы преступления…
>
> (5) Задержание лица по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, не может превышать 72 часов…
>
> (7) Лицо, задержанное по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, должно быть доставлено в наикратчайший срок с момента задержа-

[1] *Habeas corpus* (лат.) – право арестованного быть доставленным в суд для пересмотра решения об избрании меры пресечения (*примеч. переводчика*).

ния, но до истечения срока, указанного в пункте (5) …к судье уголовного суда с тем, чтобы последний мог принять решение по вопросу о применении к нему или к ней меры пресечения в виде заключения под стражу или об освобождении…

Статья 175. Понятие и виды мер пресечения

(1) Мерами пресечения являются принудительные меры, применяемые к подозреваемому или обвиняемому в совершении уголовного преступления для предотвращения совершения им определенных действий, направленных против осуществления уголовного производства…

(3) Мерами пресечения могут быть:

1) подписка о невыезде из города;

2) подписка о невыезде из страны;

3) личное поручительство;

4) поручительство организации;

5) временное лишение водительских прав…

8) временное освобождение под судебный контроль;

9) временное освобождение под залог;

10) домашний арест;

11) заключение под стражу.

Статья 176. Основания для применения мер пресечения

(1) Меры пресечения могут применяться прокуратурой или судебной инстанцией только в тех случаях, если имеются достаточные разумные основания полагать, что обвиняемый… может скрыться, воспрепятствовать установлению истины в уголовном процессе, совершить другие преступления, или они также могут применяться судебной инстанцией для обеспечения исполнения приговора…

(3) При принятии решения о необходимости применения соответствующей меры пресечения прокуратура или судебная инстанция принимают во внимание наряду с прочим следующие дополнительные критерии:

1) характер и степень вреда, причиненного вменяемым действием;

2) характеристику…обвиняемого;

3) его/ее возраст и состояние здоровья;

4) его/ее род занятий;

5) его/ее семейное положение и наличие любых иждивенцев;

6) его/ее материальное положение, доходы, владение имуществом или иной собственностью;

7) наличие постоянного места жительства;

8) другие существенные обстоятельства…

Статья 185. Мера пресечения в виде заключения под стражу

(1) Мера пресечения в виде заключения под стражу состоит в содержании подозреваемого под стражей в местах и условиях, определенных законом…».

43. В соответствии со статьей 188 Уголовно-процессуального кодекса домашний арест может быть применен к обвиняемому только в случае, если соблюдены условия, позволяющие избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, и регулируются нормами, применимыми к заключению под стражу. В связи с этим длительность и порядок применения, продления срока и обжалования меры пресечения в виде домашнего ареста подобны тем, которые применяются к предварительному заключению под стражу. Мера в виде домашнего ареста предусматривает одно или несколько ограничений, таких как запрет покидать дом, запрет на пользование телефоном, почтой или другими средствами связи, а также запрет на общение с определенными лицами или на то, чтобы встречаться с ними в своем доме. На подозреваемого могут быть возложены такие обязанности, как ношение электронных устройств, предназначенных для его или ее контроля, ответы на сигналы контроля или делать контрольные телефонные звонки с целью контроля и личная явка в следственный орган или судебную инстанцию, в случае необходимости. В случае, если подозреваемый не соблюдает установленные ограничения и обязанности, мера пресечения в виде домашнего ареста может быть заменена на заключение под стражу.

44. В соответствии со статьей 88 Уголовного кодекса и статьей 395 Уголовно-процессуального кодекса время, проведенное под домашним арестом, вычитается из срока окончательного приговора таким же образом, как и время содержания под стражей до суда.

III. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ

45. Европейский Суд рассмотрел правоприменительную практику, касающуюся оснований, оправдывающих применение меры пресечения в виде заключения под стражу, в 31 государстве – члене Совета Европы, а именно в Армении, Австрии, Азербайджане, Бельгии, Болгарии, Хорватии, Чешской Республике, Эстонии, Франции, Германии, Греции, Венгрии, Италии, Литве, Люксембурге, Македонии, Монако, Черногории, Нидерландах, Польше, Португалии, Румынии, Российской Федерации, Сербии, Словакии, Словении, Испании, Швейцарии, Турции, на Украине и в Соединенном Королевстве.

46. На основании проведенного Европейским Судом сравнительного анализа законодательств стран складывается впечатление, что процедуры задержания и помещения под стражу до судебного разбирательства четко регламентированы и строго ограничены по времени в рассматриваемых законодательствах всех 31 государств-членов.

47. Только пять государств-членов, участвующих в анализе (Армения, Болгария, Италия, Литва и Швейцария), допускают первоначальное помещение под стражу только на основании наличия «разумного подозрения» в совершении преступления. В этих государствах-членах правовые органы имеют ограниченный срок, от 24 до 96 часов, для предоставления других доводов для продления срока первоначального помещения под стражу.

48. Другие 26 государств-членов с самого начала требуют наличия хотя бы одного дополнительного относящегося к делу и достаточного основания.

49. Наиболее распространенным из этих условий (в 17 государствах-членах) является наличие риска того, что подозреваемый может скрыться, а также необходимость обеспечения присутствия подозреваемого в ходе судебного разбирательства, за ними следует наличие риска совершения нового правонарушения (13 государств-членов) и необходимость предотвратить или не допустить совершение преступления (два государства-члена). Риск воспрепятствования осуществления правосудия предусматривается законодательствами 14 государств-членов.

50. Кроме того, в 12 государствах-членах первоначальное помещение под стражу является оправданным, если подозреваемый задержан в момент совершения преступления или других правонарушений (на месте преступления) или же сразу после этого (в трех из этих 12 государств-членов).

51. Максимальная длительность первоначального помещения под стражу колеблется от 24 часов (восемь государств-членов) до 96 часов (три государства-члена). В большинстве государств-членов установлен ограниченный срок в 48 часов (12 государств-членов).

52. Что касается помещения под стражу после судебного рассмотрения, то во всех исследованных законодательствах государств-членов (31) наличие «разумного подозрения» в совершении какого-либо преступления является условием *sine qua non*[1] законности помещения под стражу. Однако все участвующие в анализе законодательств государства – члены Совета Европы также согласны с тем, что в целом «разумное подозрение» само по себе не является достаточным основанием для заключения под стражу в рамках избранной меры пресечения. В шести государствах (Австрии, Бельгии, Германии, Сербии, Швейцарии и Турции) действует небольшое исключение, когда «разумное подозрение» само по себе и в порядке исключения является достаточным основанием для санкционирования содержания под стражей в случае совершения тяжкого преступления.

53. За исключением этих шести стран, одного лишь наличия «разумное подозрение» недостаточно для санкционирования содержания под стражей.

54. Законодательства всех государств-членов, участвующих в анализе (31), предусматривают, что власти могут подвергнуть человека предварительному заключению только при наличии дополнительных оснований, за небольшим исключением, упомянутом в § 52 настоящего Постановления. Во всех государствах эти дополнительные основания должны быть установлены, когда соответствующее лицо впервые предстает перед судьей. Таким образом, можно сказать, что при подаче первого ходатайства о заключении лица под стражу внутригосударственные судебные органы должны предоставить убедительные дополнительные основания, оправдывающие это содержание под стражей.

55. Основаниями, наиболее часто упоминаемыми во внутригосударственных законодательствах, являются риск того, что человек может скрыться (все государства-члены, участвующие в анализе), риск совершения нового преступления (30 из 31) и риск воспрепятствования отправлению правосудия (28 из 31).

56. Более того, законодательства большинства государств – членов Совета Европы (18 из 31) предусматривают, что мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена только в случае, если соответствующее преступление достигло определенной степени тяжести. Некоторые государства-члены (10 из 31) требуют, чтобы внутригосударственные власти рассматривали личные обстоятельства соответствующего лица (такие как личные качества, возраст, состояние здоровья, профессия, а также социальные, семейные и деловые отношения). Ряд государств-членов (шесть из 31) также устанавливает в качестве соответствующего условия необходимость сохранения общественного порядка.

57. Для того, чтобы оценить весомость дополнительных оснований, законодательства государств-членов, участвующих в анализе, устанавливают несколько конкретных факторов, которые должны быть приняты во внимание.

58. Все государства-члены, участвующие в анализе, согласны с тем, что компетентные внутригосударственные органы обязаны предоставить относящиеся к делу и достаточные основания как при назначении, так и при продлении срока содержания лица под стражей до суда.

59. Таким образом, продление срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу требует такого же выполнения условий, которое было установлены в связи с первым назначением этой меры. Разумно сделать вывод, что доводы, на которые ссылаются суды государств – членов Совета Европы, чтобы санкционировать или продлить срок содержания под стражей, не могут быть шаблонными или абстрактными.

[1] *Sine qua non* (лат.) – обязательный (*примеч. переводчика*).

60. Внутригосударственные законодательства почти половины государств – членов Совета Европы, участвующих в анализе (15 из 31), устанавливают максимальные сроки продления срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу и/или фиксированный срок ее общей продолжительности. Однако отсутствует единый стандарт в отношении срока продлений или максимального общего срока действия меры.

ПРАВО

61. Заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, жаловался на то, что внутригосударственные суды не предоставили достаточных оснований при вынесении решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Европейский Суд считает более целесообразным рассмотреть данную жалобу в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, который гласит следующее:

> «3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом “c” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

A. НЕИСЧЕРПАНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

62. При рассмотрении дела Большой Палатой власти государства-ответчика в первый раз сообщили, что заявитель не обжаловал судебные решения, которыми был санкционирован его домашний арест, и, таким образом, он не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, как того требует пункт 1 статьи 35 Конвенции. Они указали, что не могли выдвинуть данное возражение при рассмотрении дела Палатой, поскольку изложение фактических обстоятельств, подготовленное Европейским Судом на этапе уведомления, не содержало ссылок на факты после даты 29 июня 2007 г. Соответственно, их не следует считать утратившими право выдвинуть это возражение на данном этапе.

63. Заявитель утверждал, что власти государства-ответчика утратили право выдвигать это возражение при рассмотрении дела Большой Палатой. В качестве альтернативы он заявил, что их возражение было необоснованным.

64. Европейский Суд напоминает, что согласно правилу 55 Регламента Суда любой довод о неприемлемости должен быть, насколько это допускают его характер и обстоятельства, выдвинут государством-ответчиком в письменных или устных объяснениях по вопросу о приемлемости жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (Svinarenko and Slyadnev v. Russia), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08[1], *ECHR* 2014 (извлечения), § 79).

65. Действительно, в изложении фактических обстоятельств, подготовленном Секретариатом Европейского Суда, которое Европейский Суд приложил к своему письму властям государства-ответчика от 18 января 2010 г., в котором официально уведомлял государство о жалобе в соответствии с подпунктом «b» пункта 2 правила 54 Регламента Суда, имелись ссылки на документы, которые находились в распоряжении Европейского Суда в то время, и, таким образом, упоминались факты, которые имели место до 29 июня 2007 г. В письме Европейского Суда от 18 января 2010 г. упоминалось, что, «если власти государства-ответчика примут решение представить возражения, они должны охватывать только жалобы, касающиеся доводов для заключения под стражу до суда (пункт 3 статьи 5 Конвенции) [курсив добавлен]». Используя возможность представления возражений, власти государства-ответчика пытались сократить рамки рассмотрения дела, утверждая, что Европейский Суд не должен был принимать во внимание факты, которые имели место до 2 мая 2007 г., то есть до задержания заявителя, и после 29 июня 2007 г. Тем не менее, по их утверждению, «…власти государства-ответчика считают необходимым отметить определенные процессуальные действия, которые последовали за вышеупомянутым периодом [2 мая-29 июня 2007 г.] Эти ссылки необходимы для представления позиции властей государства-ответчика, касающейся приемлемости и существа дела».

66. Исходя из изложенного Европейский Суд считает, что в конкретном контексте должно быть достаточно ясно из характера и обстоятельств «жалоб», что при их рассмотрении в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции Европейский Суд не мог не учитывать факты, предшествовавшие аресту заявителя 2 мая 2007 г., и что жалобы касались длящейся ситуации, а именно предполагаемого отсутствия обоснования «содержания заявителя под стражей до суда» в целом, и не ограничивались вариантом, предложенным властями государства-ответчика. Разумно предположить, что, получив уведомление о жалобе, власти государства-ответчика также полностью ознакомились с ситуацией после 29 июня 2007 г. и поэтому могли сделать

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (*примеч. редактора*).

свое заявление о неприемлемости в соответствии с требованиями правила 55 Регламента Суда.

67. Однако вопрос о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты был впервые поднят властями Республики Молдова в письменных замечаниях при рассмотрении дела в Большой Палате. Европейский Суд не усматривает каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить власти государства-ответчика от обязательства выдвигать свои предварительные возражения до вынесения Палатой решения о приемлемости. Следовательно, власти государства-ответчика не могут выдвигать свое предварительное возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты на данном этапе разбирательства, и их возражение должно быть отклонено.

B. СТАТУС ЖЕРТВЫ

68. В случае отклонения Европейским Судом их вышеупомянутого возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, власти Республики Молдова указали в качестве альтернативного замечания, что заявитель не мог претендовать на то, чтобы считаться «жертвой» по смыслу статьи 34 Конвенции в целях своей жалобы на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции вследствие домашнего ареста. Он сам ходатайствовал о помещении его под домашний арест, и решение применить данную меру пресечения компенсировало любое возможное нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, которое имело место до принятия меры. Эта мера была равнозначна предоставлению ему освобождения от его первоначального задержания. Таким образом, она является своего рода компенсацией за любое возможное нарушение его прав, гарантированных пунктом 3 статьи 5 Конвенции.

69. Позиция заявителя в отношении данного возражения аналогична мнению, высказанному в отношении утверждения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см. § 63 настоящего Постановления).

70. Европейский Суд не видит необходимости рассматривать вопрос о том, утратили ли власти государства-ответчика право выдвигать вышеупомянутое возражение, поскольку в любом случае Европейский Суд считает, что речь идет о вопросе, который подпадает под его юрисдикцию и который он может рассмотреть по собственной инициативе (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «R.P. и другие против Соединенного Королевства» (R.P. and Others v. United Kingdom) от 9 октября 2012 г., жалоба № 38245/08, § 47). Европейский Суд считает, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела данный довод настолько тесно связан с существом жалобы заявителя, что следует объединить его с рассмотрением жалобы по существу (см. §§ 106–111 настоящего Постановления).

C. ВЫВОДЫ

71. Власти Республики Молдова утратили право выдвигать свои предварительное возражение, касающееся неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Следовательно, Европейский Суд отклоняет их предварительное возражение. С другой стороны, Европейский Суд принимает решение объединить возражение, касающееся отсутствия у заявителя статуса жертвы, с рассмотрением жалобы по существу.

II. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

72. Основываясь на применимой прецедентной практике, касающейся обязательства предоставлять «относящиеся к делу и достаточные основания» для заключения под стражу, Палата Европейского Суда установила нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с недостаточным обоснованием судами постановлений о санкционировании помещения заявителя под стражу. При этом Палата ссылалась на прецедентную практику Европейского Суда, устанавливающую, что домашний арест является лишением свободы.

73. Палата Европейского Суда отметила, что, хотя суды Республики Молдова в соответствии с законодательством этой страны были обязаны проверять ряд обстоятельств, фактически они не сделали этого, а ограничились повторением в своих решениях в абстрактной и шаблонной форме предусмотренных законодательством формальных оснований для заключения под стражу, без объяснения того, как они были *in concreto*[1] применимы к ситуации заявителя. Более того, рассматривая по существу одни и те же материалы дела, они в ряде случаев делали противоположные выводы (см. §§ 35–38 Постановления Палаты).

74. В заключение Палата Европейского Суда сослалась на бездействия прокурора в получении определенных документов в течение года при том, что суды ссылались на отсутствие этих документов при продлении срока содержания заявителя под стражей, а также на тот факт, что после помещения заявителя под домашний арест в течение трех дней после 26 июня 2007 г., у него до этого было три дня, в течение которых он мог вступить в сговор со своими сыновьями, если бы он захотел сделать это (см. §§ 40–41 Постановления Палаты).

[1] *In concreto* (лат.) – в действительности (*примеч. переводчика*).

B. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

75. Заявитель настаивал на том, что во время рассматриваемых событий имела место практика автоматического помещения обвиняемых под стражу до суда без какого-либо обоснования и исключительно на основании шаблонных и повторяющихся причин. Он также ссылался на Уполномоченного властей государства-ответчика, работавшего в рассматриваемое время, который признал, что содержание под стражей до суда являлось, скорее, правилом, чем исключением.

76. Ссылаясь на доводы, необходимые для обоснования применения домашнего ареста, заявитель утверждал, что внутригосударственное законодательство не предусматривает, что к решениям о применении домашнего ареста должны были бы применяться менее строгие требования, и почеркнул, что судам следует применять одни и те же правила и приводить одинаковые обоснования как для применения домашнего ареста, так и для помещения лица под стражу. Признание позиции властей государства-ответчика, согласно которой в отношении домашнего ареста допускается применение менее строгих правил предоставления обоснований, повышает риск злоупотребления со стороны государства, которое может применять домашний арест произвольным образом. Кроме того, принятие подобной позиции в настоящем деле будет представлять собой игнорирование внутригосударственного законодательства.

77. Заявитель утверждал, что не имелось каких-либо аргументов в пользу лишения его свободы и что ни содержание под стражей, ни домашний арест не были основаны на относящихся к делу и достаточных основаниях. Заявитель считал, что отсутствие оснований для лишения его свободы подтверждалось его последующим оправданием, а также тем, что прокуратура не оспорила решение суда, которым заявитель был оправдан.

78. Что касается довода властей Республики Молдова о том, что заявитель сам просил поместить его под домашний арест, заявитель утверждал, что внутригосударственные суды по-прежнему обязаны проверять наличие достаточных оснований для применения домашнего ареста. Заявитель также считал, что у государства имелись альтернативные средства обеспечения его явки в суд и неприкосновенности вещественных доказательств.

2. Власти Республики Молдова

79. По мнению властей Республики Молдова, заявитель не смог в достаточной степени обосновать свои требования *habeas corpus* как в ходе судебного разбирательства на внутригосударственном уровне, так и в разбирательства дела в Европейском Суде. Власти Республики Молдова ссылались на упоминание заявителем его проблем со здоровьем и утверждали, что согласно правоприменительной практике Европейского Суда не существовало общего обязательства освобождать задержанных по состоянию здоровья. Внутригосударственные суды проигнорировали доводы, приведенные заявителем, поскольку они были неактуальны.

80. Власти Республики Молдова также утверждали, что решения о содержании заявителя под стражей и продлении срока содержания под стражей были основаны на относящихся к делу и достаточных основаниях. Даже если эти основания могли показаться расплывчатыми и абстрактными, на самом деле они были конкретными и содержательными. Решения основывались на таких доводах, как сложность дела и риск вмешательства заявителя в уголовное дело, а также риск того, что заявитель может вступить в сговор со своими сыновьями. По мнению властей государства-ответчика, тот факт, что заявитель и его сыновья являлись соучастниками, сам по себе представлял вмешательство в нормальный ход расследования и требовал их изоляции друг от друга.

81. Власти Республики Молдова полагали, что настоящее дело было аналогично делу «W. против Швейцарии» (W. v. Switzerland) (от 26 января 1993 г., Series A, № 254-A) и утверждали, что Европейский Суд в настоящем деле должен прийти к такому же выводу об отсутствии нарушения Конвенции, как и в указанном деле.

82. Власти Республики Молдова подчеркнули тот факт, что заявитель сам ходатайствовал о помещении его под домашний арест и что он не оспаривал решений суда, удовлетворявших его ходатайство или продлевающих срок домашнего ареста.

83. Власти Республики Молдова согласились с тем, что домашний арест представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. Тем не менее они считали, что для оправдания домашнего ареста необходимо меньше доводов, поскольку эта мера пресечения была менее строгой, чем содержание под стражей. В настоящем деле это было тем более верно, поскольку заявитель сам ходатайствовал о помещении его под домашний арест.

C. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

84. Статья 5 Конвенции, как и статьи 2, 3 и 4 Конвенции, находятся в первом ряду основополагающих прав, обеспечивающих физическую безопасность человека (см., для примера, ее связь со статьями 2 и 3 Конвенции в делах об исчезновении

людей, таких как Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» (Kurt v. Turkey) от 25 мая 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, § 123) и, как таковая, ее важность огромна. Ее ключевой задачей является предотвращение лишения свободы в результате произвола или необоснованных действий (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Луканов против Болгарии» (Lukanov v. Bulgaria) от 20 марта 1997 г., *Reports* 1997-II, § 41, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассандзе против Грузии» (Assanidze v. Georgia), жалоба № 71503/01, *ECHR* 2004-II, § 171, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Республика Молдова и Российской Федерации» (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia), жалоба № 48787/99[1], *ECHR* 2004-VII, § 461). В прецедентной практике Европейского Суда можно отметить три основных направления: исчерпывающий набор исключений, которые должны строго толковаться (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чьюлла против Италии» (Ciulla v. Italy) от 22 февраля 1989 г., Series A, № 148, § 41) и которые не позволяют приводить широкий спектр обоснований в рамках других положений (статьи 8–11 Конвенции, в частности), неоднократное подчеркивание законности содержания под стражей как в процессуальном, так и в материально-правовом смысле, при строгом соблюдении принципа верховенства права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (Winterwerp v. Netherlands) от 24 октября 1979 г., Series A, № 33, § 39), и важность оперативности или незамедлительности требуемого судебного контроля (в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 5 Конвенции) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства» (McKay v. United Kingdom), жалоба № 543/03, *ECHR* 2006-X, § 34).

85. Одним из наиболее распространенных видов лишения свободы в связи с уголовным судопроизводством является заключение под стражу до суда. Такое содержание под стражей представляет собой одно из исключений из общего правила, установленного пунктом 1 статьи 5 Конвенции, согласно которому каждый человек имеет право на свободу, и предусмотрен в подпункте «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Рассматриваемый период начинается, когда лицо задерживается (см. Постановление Европейского Суда по делу «Томази против Франции» (Tomasi v. France) от 27 августа 1992 г., Series A, № 241 A, § 83) или в момент помещения обвиняемого под стражу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции» (Letellier v. France) от 26 июня 1991 г., Series A, № 207, § 34), и заканчивается когда он или она освобождаются из-под стражи и/или датой вынесения приговора, хотя бы судом первой инстанции (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии» (Wemhoff v. Germany) от 27 июня 1968 г., Series A, № 7, p. 23 § 9, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (Labita v. Italy), жалоба № 26772/95, *ECHR* 2000-IV, § 147, Постановление Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации» Kalashnikov v. Russia), жалоба № 47095/99[2], *ECHR* 2002-VI, § 110, и Постановление Европейского Суда по делу «Солмаз против Турции» (Solmaz v. Turkey) от 16 января 2007 г., жалоба № 27561/02, §§ 23–24).

86. Хотя в подпункте «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции излагаются основания, исходя, прежде всего, из которых заключение под стражу до суда является допустимым (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Йонг, Балже и Ван ден Бринк против Нидерландов» (De Jong, Baljet and Van den Brink v. Netherlands) от 22 мая 1984 г., Series A № 77, § 44), пункт 3, который формирует единое целое с предыдущим положением, устанавливает определенные процессуальные гарантии, в том числе правило о том, что содержание под стражей до суда не должно превышать разумного срока, таким образом регулируя его длительность.

87. Согласно сложившейся прецедентной практике Европейского Суда в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции сохранение наличия обоснованного подозрения является условием *sine qua non*[3] для законности непрерывного содержания под стражей, но после истечения определенного срока и оно уже не является достаточным. В таких случаях Европейский Суд должен установить 1) оправдывали ли иные основания, на которые ссылались судебные власти, продление срока содержания лица под стражей, и, 2) если такие основания были «относящимися к делу» и «достаточными», проявили ли внутригосударственные органы власти «особое усердие» при ведении производства по делу (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции», § 35, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации» (Idalov v. Russia) от 22 мая 2012 г., жалоба № 5826/03[4],

[1] См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2003 год (*примеч. редактора*).

[2] См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (*примеч. редактора*).

[3] *Sine qua non* (лат.) – без чего нет (необходимое условие) (*примеч. переводчика*).

[4] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 5 (*примеч. редактора*).

§ 140). Европейский Суд также подчеркивает, что обоснование любого срока содержания под стражей, каким бы коротким он ни был, должно быть убедительно продемонстрировано властями. Принимая решение о том, следует ли освободить лицо или оставить его под стражей, власти обязаны рассмотреть альтернативные способы обеспечения явки в суд (*ibid*[1].).

88. Обоснования, которые были сочтены в прецедентной практике Европейского Суда «относящимися к делу» и «достаточными» (в дополнение к наличию разумного подозрения), включают также такие основания, как риск того, что лицо может скрыться, оказать давление на свидетелей или подделать доказательства, риск сговора и совершения нового преступления, угроза нарушения общественного порядок, а также необходимость защиты задержанного (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Штёгмюллер против Австрии» (Stögmüller v. Austria) от 10 ноября 1969 г., Series A, № 9, § 15, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии», § 14, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Томази против Франции», § 95, Постановление Европейского Суда по делу «Тот против Австрии» (Toth v. Austria) от 12 декабря 1991 г., Series A, № 224, § 70, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции», § 51, и Постановление Европейского Суда по делу «I.A. против Франции» (I.A. v. France) от 23 сентября 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VII, § 108).

89. Существующая презумпция всегда свидетельствует в пользу освобождения. Как установлено в деле «Ноймайстер против Австрии» (Neumeister v. Austria) (Постановление Европейского Суда от 27 июня 1968 г., Series A, № 8, p. 37, § 4), вторая составляющая пункта 3 статьи 5 Конвенции, то есть освобождение до суда, не предоставляет судебным органам выбора между доставкой обвиняемого к судье в течение разумного срока, либо его временным освобождением до начала рассмотрения дела судом. Предварительное помещение обвиняемого под стражу не может длиться дольше разумного срока (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии», § 5). Даже если длительность предварительного следствия не может быть подвергнута критике, срок содержания под стражей не должен превышать разумного срока (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Штёгмюллер против Австрии», § 5). До постановления обвинительного приговора подсудимый считается невиновным, и цель рассматриваемого положения заключается в том, чтобы обеспечить его временное освобождение, как только его или ее дальнейшее содержание под стражей перестанет быть разумным (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 41).

90. Вопрос о том, является ли период, проведенный в предварительном заключении разумным, не может оцениваться абстрактно. Разумно ли обвиняемому оставаться под стражей, следует оценивать с учетом фактов каждого дела и в соответствии с его специфическими особенностями. Непрерывное содержание под стражей может быть оправдано в конкретном деле только при наличии реального требования публичного интереса, которое, с надлежащим учетом принципа презумпции невиновности, перевешивает требование уважения личной свободы, предусмотренное статьей 5 Конвенции (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 152, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудля против Польши» (Kudła v. Poland), жалоба № 30210/96, *ECHR* 2000-XI, § 110 *et seq*[2].). Уделяя особое внимание риску того, что человек может скрыться, следует учитывать личностные качества человека, его или ее моральные качества, наличие имущества и связей в стране, в которой он или она привлекается к ответственности, и международные контакты лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ноймайстер против Австрии», § 10).

91. Прежде всего внутригосударственные судебные органы должны обеспечить, чтобы в конкретном деле содержание обвиняемого под стражей до суда не превышало разумного срока. Следовательно, уделяя особое внимание принципу презумпции невиновности, они должны исследовать все факты, свидетельствующие в пользу или против существования вышеупомянутого требования публичного интереса, оправдывающего отход от правила статьи 5 Конвенции, и должны указать их в своих решениях по ходатайствам об освобождении. В первую очередь на основании именно этих доводов, приведенных в указанных решениях, и реальных фактов, указанных заявителем в своих жалобах, Европейский Суд призван установить наличие или отсутствие нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудля против Польши», § 110, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 141).

[1] *Ibid*.– там же (*примеч. переводчика*).

[2] *Et seq.* (лат.) – и далее (*примеч. переводчика*).

2. Существует ли необходимость в развитии прецедентной практики Европейского Суда

(a) Первоначальный период содержания под стражей и проблема, касающаяся «прошествия определенного времени»

92. Как упоминалось выше (см. § 87 настоящего Постановления), сохранение наличия обоснованного подозрения в том, что лицо совершило преступление является условием *sine qua non* для законности непрерывного содержания лица под стражей, но по истечении определенного срока оно перестает быть достаточным. Впервые данный подход был сформулирован в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Штёгмюллер против Австрии». Позже эта формулировка стала известна как один из всеобъемлющих «принципов Летелье», которые были подтверждены в ряде последующих постановлений Большой Палаты (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 153, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудля против Польши», § 111, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 44, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (Bykov v. Russia) от 10 марта 2009 г, жалоба № 4378/02[1], § 64, и совсем недавнее упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 141). Указанный принцип позволил провести различие между первым этапом, когда наличие обоснованного подозрения является достаточным основанием для заключения под стражу, и этапом, наступающим «по прошествии определенного промежутка времени», когда одного обоснованного подозрения уже недостаточно, и требуются другие «относящиеся к делу и достаточные» основания для содержания подозреваемого под стражей.

93. Поскольку в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде заявитель не утверждал, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление, Европейский Суд не считает необходимым рассматривать данный вопрос. Однако ввиду неубедительности дополнительных доводов (помимо обоснованности подозрения), на которое ссылались внутригосударственные суды, возникает вопрос о том, начиная с какого момента времени потребовались такие дополнительные основания. Ответ на данный вопрос будет зависеть от толкования понятия «определенный промежуток времени».

94. До сих пор Европейский Суд не определил в своей прецедентной практике, что входит в понятие «определенный промежуток времени» и не установил каких-либо общих критериев в связи с этим. В недавнем Постановлении Европейского Суда по делу «Мэги и другие против Соединенного Королевства» (Magee and Others v. United Kingdom) (от 12 мая 2015 г., жалобы №№ 26289/12, 29062/12 и 29891/12), Европейский Суд признал, что отсутствовали установленные сроки, применимые к термину «определенный промежуток времени». Европейский Суд отметил следующее:

> «…88. Сохранение наличия обоснованных подозрений в том, что арестованный совершил преступление является условием *sine qua non* для законности непрерывного содержания его под стражей, однако по истечении времени оно перестает быть достаточным для оправдания непрерывного содержания под стражей. Европейский Суд не пытался перевести эту концепцию в конкретное количество дней, недель, месяцев или лет, или в различные сроки, в зависимости от тяжести преступления (Постановление Европейского Суда по делу "Штёгмюллер против Австрии" (Stögmüller v. Austria) от 10 ноября 1969 г., жалоба № 1602/62, § 4…)».

95. Тем не менее выясняется, что в ряде дел (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Цуркан и Цуркан против Республики Молдова» (Ţurcan and Ţurcan v. Moldova) от 23 октября 2007 г., жалоба № 39835/05, § 54, Постановление Европейского Суда по делу «Пацурия против Грузии» (Patsuria v. Georgia) от 6 ноября 2007 г., жалоба № 30779/04, § 67, Постановление Европейского Суда по делу «Османович против Хорватии» (Osmanović v. Croatia) от 6 ноября 2012 г., жалоба № 67604/10, §§ 40–41, и Постановление Европейского Суда по делу «Заидов против Азербайджана» (Zayidov v. Azerbaijan) от 20 февраля 2014 г., жалоба № 11948/08, § 62) Европейский Суд придерживается той точки зрения, что даже после относительно короткого периода в несколько дней наличие обоснованного подозрения само по себе не может оправдать содержание под стражей до суда и должно подкрепляться дополнительными основаниями.

96. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что было бы полезно продолжить развитие своей прецедентной практики в отношении требования к внутригосударственным судебным органам оправдывать непрерывное содержание под стражей в целях второй составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции.

97. В качестве отправной точки необходимо напомнить, что, как уже отмечалось в § 85 настоящего Постановления, период, который должен быть принят во внимание для оценки разумности содержания под стражей согласно второй[2] состав-

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6 (*примеч. редактора*).

[2] Здесь и далее курсив в тексте оригинала Постановления (*примеч. редактора*).

ляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции, исчисляется с момента, когда лицо лишают его или ее свободы.

98. С того же момента указанное лицо также имеет право согласно первой составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции «быть незамедлительно доставленным к судье или иному должностному лицу, наделенному согласно закону, судебной властью», предоставляющему необходимые гарантии независимости от органа исполнительной власти и от сторон процесса. В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции существует процессуальное требование к «судье или иному должностному лицу, наделенному согласно закону судебной властью» заслушать доставленное к нему лицо лично, а также материально-правовое требование изучить все обстоятельства «за» и «против» лишения свободы, то есть решить, имеются ли основания, оправдывающие содержание лица под стражей, или основания для вынесения постановления об освобождении из-под стражи, если причин ограничивать свободу лица не установлено (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, § 199, Постановление Европейского Суда по делу «Шиссер против Швейцарии» (Schiesser v. Switzerland) от 4 декабря 1979 г., Series A, № 34, § 31, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 35). Иными словами, пункт 3 статьи 5 Конвенции требует от должностного лица, наделенного судебной властью, рассмотреть вопрос о заключении под стражу по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «T.W. против Мальты» (T.W. v. Malta) от 29 апреля 1999 г., жалоба № 25644/94, § 41, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Акилина против Мальты» (Aquilina v. Malta), жалоба № 25642/94, *ECHR* 1999-III, § 47, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 35).

99. Первоначальное автоматическое рассмотрение задержания и заключения под стражу должно предоставлять возможность оценить законность их оснований и наличие либо отсутствие обоснованного подозрения, что задержанный совершил преступление, иными словами, подпадает ли заключение под стражу под допускаемые исключения, установленные в подпункте «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Если заключение под стражу не подпадает под указанные исключения, должностное лицо должно иметь полномочия освободить задержанного (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 40). Вопрос о том, достаточно ли простого сохранения подозрения для оправдания продления законно санкционированного предварительного заключения под стражу, подпадает под действие не подпункта «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции, а пункта 3 статьи 5 Конвенции. Это по сути и составляет цель пункта 3, который образует единое целое с пунктом 1: требовать временного освобождения лица из-под стражи, после того, как содержание под стражей перестает быть обоснованным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Де Йонг, Балже и Ван ден Бринк против Нидерландов», § 44 с последующими ссылками).

100. Необходимость более подробной проработки прецедентной практики, по-видимому, основывается на том факте, что период, в течение которого наличие обоснованного подозрения остается достаточным основанием для непрерывного содержания лица под стражей согласно второй составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции, подвержен другому и гораздо менее точно определенному временно́му требованию – «определенный промежуток времени» (установленному в прецедентной практике Европейского Суда) – чем согласно первой составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции – «незамедлительность» (как предусмотрено в тексте Конвенции), и что только после истечения «определенного промежутка времени» содержание под стражей должно оправдываться дополнительными относящимися к делу и достаточными основаниями. Действительно, в некоторых случаях Европейский Суд выносил решения о том, что «эти две составляющие затрагивают различные права и внешне не связаны ни логически, ни по времени» (см. из самых известных примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 31, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (Medvedyev and Others v. France), жалоба № 3394/03, *ECHR* 2010, § 119, последнее касается только первой составляющей). Однако следует отметить, что в каждом контексте период будет исчисляться с момента задержания, и судебному органу, санкционирующему заключение под стражу, надлежит определить, имеются ли основания для оправдания содержания под стражей или же для принятия решения об освобождении из-под стражи в случае отсутствия таких оснований. На практике часто может происходить так, что применение гарантий согласно второй составляющей будет в известной степени дублировать применение гарантий согласно первой составляющей, как правило, в ситуациях, когда судебный орган, который санкционирует заключение под стражу согласно первой составляющей, в то же время выносит постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с гарантиями второй составляющей. В подобных ситуациях первое появление подозреваемого перед судьей является «перекрест-

ком», где встречаются два свода гарантий и где второй свод сменяет первый. И все же вопрос о том, когда вторая составляющая применяется в полном объеме в том смысле, что требуются дополнительные относящиеся к делу и достаточные основания, помимо обоснованного подозрения, зависит от довольно расплывчатого понятия «определенный промежуток времени».

101. Европейский Суд также отмечает, что в соответствии с внутригосударственными законодательствами подавляющего большинства из 31 Высокой Договаривающейся Стороны Конвенции, упомянутыми в обзоре сравнительного права в § 54 настоящего Постановления, соответствующие судебные органы обязаны предоставить «относящиеся к делу и достаточные» основания для непрерывного содержания под стражей, если не сразу, то через несколько дней после задержания, а именно, когда судья впервые рассматривает необходимость заключения подозреваемого под стражу до суда. Такой подход, если его применить к пункту 3 статьи 5 Конвенции, не только упростит и принесет бóльшую ясность и определенность в данной области прецедентной практики Европейского Суда, но также предоставит защиту от содержания под стражей сверх разумного срока.

102. В свете вышеизложенных доводов Европейский Суд устанавливает убедительные доводы в пользу «синхронизации» гарантий второй составляющей с гарантиями первой составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции. Это подразумевает, что требование должностного лица, наделенного судебной властью, о предоставлении относящихся к делу и достаточных оснований для содержания лица под стражей, в дополнение к наличию обоснованного подозрения, применяется уже при вынесении самого первого решения, санкционирующего применение меры пресечения в виде заключения под стражу, то есть «незамедлительно» после задержания.

(b) Особые проблемы, касающиеся домашнего ареста

(i) Является ли домашний арест лишением свободы, и отказался ли заявитель от своего права на свободу

103. Как и во многих других областях, Европейский Суд настаивает в своей прецедентной практике на автономном толковании понятия лишение свободы. Систематическое исследование Конвенции подтверждает, что статья 5 Конвенции не распространяется на простые ограничения свободы передвижения, которые регулируются пунктом 1 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции. Однако разница между ограничением свободы передвижения и лишением свободы заключается лишь в степени ограничения или в мере интенсивности, а не в самом характере или в сути. Для того, чтобы определить, было ли лицо «лишено свободы» по смыслу статьи 5 Конвенции, следует исходить из конкретной ситуации лица и принимать во внимание целый ряд критериев, таких как вид, длительность, последствия и порядок исполнения данной меры (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии» (Guzzardi v. Italy) от 6 ноября 1980 г., Series A, № 39, §§ 92–93).

104. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Манчини против Италии» (Mancini v. Italy), жалоба № 44955/98, *ECHR* 2001-IX, § 17, Постановление Европейского Суда по делу «Лавентс против Латвии» (Lavents v. Latvia) от 28 ноября 2002 г., жалоба № 58442/00, §§ 64–66, Постановление Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии (№ 2)» (Nikolova v. Bulgaria) (№ 2) от 30 сентября 2004 г., жалоба № 40896/98, § 60, Постановление Европейского Суда по делу «Нинеску против Республики Молдова» (Ninescu v. Republic of Moldova) от 15 июля 2014 г., жалоба № 47306/07, § 53, и Постановление Европейского Суда по делу «Делийоргйи против Албании» (Delijorgji v. Albania) от 28 апреля 2015 г., жалоба № 6858/11, § 75) считается, что домашний арест, принимая во внимание степень ограничения и меру выраженности, представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции.

105. Европейский Суд не видит оснований отклоняться от своей прецедентной практики. Принимая во внимание условия, в которых находился заявитель под домашним арестом, описанные в § 30 и §§ 36–40 настоящего Постановления, Европейский Суд считает, что применение к заявителю данной меры в период с 26 по 29 июня 2007 г., а также с 20 июля 2007 г. по 12 марта 2008 г., то есть в течение семи с половиной месяцев, представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. В связи с этим интересно отметить, что в настоящем деле домашний арест также рассматривается как лишение свободы согласно соответствующему внутригосударственному законодательству и что власти государства-ответчика сами признали, что домашний арест заявителя представлял собой лишение свободы (см. §§ 43, 44 и 83 настоящего Постановления).

106. Один вопрос, поднятый властями государства-ответчика (и который был объединен с рассмотрением жалобы по существу, см. § 71 настоящего Постановления), заключается в том, что заявитель сам ходатайствовал о своем помещении под домашний арест и не оспаривал решения суда, санкционировавшее применение данной меры. В связи с этим возникает важный вопрос: отказался ли заявитель от своего права на свободу?

107. В деле «Шторк против Германии» (Storck v. Germany) (жалоба № 61603/00, *ECHR* 2005-V, § 75)

Европейский Суд постановил, что право на свободу в том значении, которое придает ему Конвенция, слишком важно в «демократическом обществе», чтобы человек лишился привилегии конвенционной защиты лишь по одной только причине, что он согласился поместить себя под стражу. Принудительное содержание под стражей может нарушить статью 5 Конвенции, даже при том, что соответствующее лицо само просило об этом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., Series A, № 12, § 65).

108. Принимая во внимание утверждение властей государства-ответчика о том, что заявитель сам ходатайствовал о своем помещении под домашний арест (см. § 82 настоящего Постановления), Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле имел место определенный элемент принуждения при применении данного вида меры пресечения. В частности, из обстоятельств дела явно следует, что стремление заявителя быть помещенным под домашний арест было связано с тем, что он не хотел дальше находиться под стражей после того, как суды неоднократно отклонили его ходатайства *habeas corpus*. Также, по-видимому, состояние здоровья заявителя значительно ухудшилось во время содержания под стражей в рамках избранной меры пресечения и что он был готов пойти на уступки, чтобы положить этому конец (см. §§ 14, 24 и 29 настоящего Постановления). Это вполне объяснимое поведение человека, который ранее перенес сердечный приступ и инсульт, и который чувствовал ухудшение своего состояния здоровья. По мнению Европейского Суда, заявитель очевидно находился под давлением, когда был помещен под домашний арест. В таких обстоятельствах нельзя разумно ожидать, что заявитель оспорил бы постановления суда, санкционирующие его помещение под домашний арест.

109. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд не готов согласиться с тем, что отношение заявителя к своему домашнему аресту и упущение возможности обжаловать эту меру равносильно отказу от его права на свободу.

110. Подобная ситуация, даже если предположить, что заявитель мог считаться давшим согласие на помещение под домашний арест, не может рассматриваться как освобождение из-под стражи, как утверждали власти государства-ответчика. Также это действие нельзя рассматривать, как это, по-видимому, предлагали власти государства-ответчика, как форму компенсации, соответствующей требованию пункта 5 статьи 5 Конвенции о праве на получение компенсации. Следовательно, возражение властей государства-ответчика, касающееся отсутствия у заявителя статуса жертвы, должно быть отклонено.

(ii) Доводы для санкционирования домашнего ареста

111. Власти государства-ответчика утверждали, что для оправдания применения домашнего ареста требовалось меньше оснований, чем для содержания под стражей в обычном следственном изоляторе, поскольку первая мера является более мягкой по сравнению со второй.

112. Действительно, в большинстве случаев, домашний арест подразумевает меньшее количество ограничений и меньшую степень страданий и неудобств для задержанного, чем обычное содержание под стражей в соответствующем учреждении. Это связано с тем, что содержание под стражей требует интеграции человека в новую, а иногда враждебную среду, предусматривает совместные действия и пользование ресурсами с другими заключенными, соблюдение дисциплины и подразумевает круглосуточное наблюдение со стороны властей. Например, задержанные не могут свободно выбирать, когда им ложиться спать, принимать пищу, заниматься личной гигиеной или совершать прогулки на свежем воздухе или заниматься другими видами деятельности. Поэтому, когда человек сталкивается с выбором между содержанием под стражей и домашним арестом, как в настоящем деле, большинство людей, как правило, выбирают последнее.

113. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что в «принципах Летелье» не было проведено никакого различия между режимами разных видов мер пресечения (см. § 92 настоящего Постановления). Европейский Суд также напоминает, что в деле «Лавентс против Латвии» (упоминавшееся выше), когда Европейскому Суду было предложено изучить относящиеся к делу и достаточные основания для лишения заявителя свободы до суда на значительный срок, власти государства-ответчика безуспешно приводили аргументы о том, что к оценке оснований оспариваемых ограничений свободы должны применяться разные критерии, поскольку заявитель содержался под стражей не только в тюрьме, но и под домашним арестом, и в больнице. Европейский Суд отклонил данный довод, заявив, что статья 5 Конвенции не регулирует условия содержания под стражей, сославшись на подход, использовавшийся в приведенном выше Постановлении Европейского Суда по делу «Манчини против Италии» и других делах, указанных в нем. Далее Европейский Суд уточнил, что понятия «степень ограничения» и «мера выраженности» в прецедентной практике, как критерии применимости статьи 5 Конвенции, относились исключительно к степени ограничения свободы передвижения, а не к различиям в комфорте или во внутреннем распорядке в разных местах содержания под стражей. Таким образом, Европейский Суд продолжил применять единый критерий для всего

срока лишения свободы, независимо от места, где заявитель содержался под стражей.

114. Европейский Суд не видит оснований для применения иного подхода в настоящем деле. По его мнению, вряд ли на практике осуществима оценка обоснований содержания под стражей до суда в соответствии с различными критериями, зависящими от различий в условиях содержания под стражей и от уровня (дис)комфорта, испытываемого задержанным. Напротив, такие обоснования должны оцениваться в соответствии с критериями, которые являются применимыми на практике и эффективным для поддержания надлежащего уровня защиты в соответствии со статьей 5 Конвенции, без риска ослабления этой защиты. Говоря кратко, Европейский Суд считает уместным при рассмотрении настоящего дела следовать такому же подходу, как в деле «Лавентс против Латвии».

3. Имелись ли в настоящем деле относящиеся к делу и достаточные основания

115. Обращаясь в настоящем деле к основаниям применения к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, Европейский Суд отмечает, что внутригосударственный суд, который 5 мая 2007 г. вынес первоначальное постановление о применении к заявителю указанной меры пресечения, ссылался исключительно на риск того, что заявитель может вступить в сговор со своими сыновьями, а также на тяжесть вмененного ему в вину преступления. Хотя последний довод, как правило, приводится в контексте того, что заявитель может скрыться, внутригосударственный суд счел, что опасность того, что заявитель скроется, а также риск оказания им давления на свидетелей и риск того, что заявитель мог сфальсифицировать доказательства, не были подтверждены прокурором и являлись неправдоподобными.

116. Заявитель подал жалобу и утверждал, *inter alia*, что прокурор не ссылался на риск сговора и что в любом случае у него не было достаточно времени, чтобы вступить в сговор со своими сыновьями, если бы у него было подобное намерение. Однако жалоба заявителя была отклонена Апелляционной палатой г. Кишинева, и его возражения были оставлены без ответа.

117. В связи с этим Европейский Суд отмечает, как указал заявитель, что прокурор не ссылался на такой довод, как опасность сговора заявителя с его сыновьями. Более того, из обстоятельств дела следует, что расследование в отношении заявителя и его сыновей было начато в июле 2006 года, то есть за 10 месяцев до задержания заявителя, и что у него действительно было достаточно времени, чтобы вступить в сговор с сыновьями, если бы у него было это намерение (см. §§ 9–12 настоящего Постановления). При обстоятельствах дела Европейский Суд считает данный довод абсолютно безосновательным. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Апелляционная палата г. Кишинева не дала ответа на это возражение, высказанное заявителем. В судебных постановлениях отсутствуют указания на то, что суды приняли бы во внимание такой важный фактор, как поведение заявителя с начала расследования в июле 2006 года и до момента, когда было вынесено первое постановление о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу.

118. При продлении срока содержания под стражей в первый и во второй раз, 16 мая и 5 июня 2007 г. соответственно, суды более не ссылались на риск сговора, который по сути являлся единственным дополнительным доводом при санкционировании судами помещения заявителя под стражу. На этот раз суды приводили иные доводы, а именно опасность того, что заявитель скроется и риск оказания им давления на свидетелей, а также на риск фальсификации доказательств (см. §§ 20 и 25 настоящего Постановления). В связи с этим Европейский Суд отмечает, что это были те же доводы, на которые ссылался прокурор в первоначальном ходатайстве о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, которые и суд первой инстанции, и Апелляционная палата г. Кишинева отклонили как необоснованные (см. §§ 15 и 17 настоящего Постановления). В судебных постановлениях о продлении срока содержания заявителя под стражей отсутствует объяснение относительно того, почему эти доводы стали относящимися к делу и достаточными лишь позднее (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кауталидис против Греции» (Koutalidis v. Greece) от 27 ноября 2014 г., жалоба № 18785/13, § 51), например, стало ли поведение заявителя каким-либо образом причиной таких изменений. Как и в случае первоначального постановления о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, суды не провели оценки личности заявителя, его моральных качеств, наличия у него имущества и связей в стране, его поведения в течение первых 10 месяцев уголовного расследования.

119. При рассмотрении ходатайства прокурора о третьем продлении срока содержания заявителя под стражей, 26 июня 2007 г., суд первой инстанции отклонил доводы прокурора в поддержку продления срока содержания под стражей и установил по существу, что не было никаких оснований для продления указанного срока. Тем не менее суд постановил продлить ограничение свободы заявителя, поместив его под домашний арест (см. § 30 настоящего Постановления).

120. После трехдневного домашнего ареста, 29 июня 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева отменила постановление о содержании под стражей, вновь указав, что заявитель мог скрыться,

оказать давление на свидетелей, сфальсифицировать доказательства и вступить в сговор со своими сыновьями, если бы он продолжал находиться под домашним арестом. В связи с этим Апелляционная палата г. Кишинева постановила осуществлять дальнейшее содержание заявителя под стражей в следственном изоляторе. Апелляционная палата г. Кишинева не привела обоснований того, почему она не была согласна с судом первой инстанции относительно отсутствия доводов для заключения заявителя под стражу, и не обосновала свои опасения того, что заявитель мог скрыться, оказать давление на свидетелей и сфальсифицировать доказательства (см. § 32 настоящего Постановления).

121. При рассмотрении четвертого ходатайства прокурора о продлении срока содержания заявителя под стражей Апелляционная палата г. Кишинева отклонила все доводы, представленные прокурором, и указала на то, что не было оснований полагать, что заявитель мог скрыться или воспрепятствовать отправлению правосудия. Тем не менее, несмотря на отсутствие таких доводов, суд санкционировал помещение заявителя под домашний арест, который впоследствии был продлен до марта 2008 года (см. § 36 настоящего Постановления). Постановления, санкционирующие и продлевающие срок домашнего ареста, не содержали каких-либо доводов в подтверждение применения такой меры, кроме тяжести вмененного заявителю в вину преступления (см. §§ 37 и 38 настоящего Постановления).

122. Помимо вышеупомянутых проблем, Европейский Суд считает, что доводы, приводимые внутригосударственными судами при назначении меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу или при продлении срока содержания заявителя под стражей, были шаблонными и абстрактными. В их постановлениях приводились основания для содержания под стражей без какой-либо попытки объяснить, каким образом они были применимы к конкретным обстоятельствам дела заявителя. Более того, нельзя утверждать, что внутригосударственные суды действовали последовательно. В частности, в одних случаях они отклоняли как необоснованные и маловероятные утверждения прокурора об опасности того, что заявитель мог скрыться, оказать давление на свидетелей и сфальсифицировать доказательства. В других случаях они соглашались с теми же доводами, при этом без каких-либо очевидных изменений обстоятельств и без объяснения причин. Европейский Суд считает, что, когда решается такой важный вопрос, как право на свободу, внутригосударственные суды обязаны продемонстрировать убедительное доказательство необходимости содержания под стражей. В настоящем деле этого очевидно осуществлено не было.

123. Учитывая вышеприведенные факторы, Европейский Суд считает, что отсутствовали относящиеся к делу и достаточные доводы для санкционирования меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу и продления срока содержания заявителя под стражей до суда. Следовательно, в настоящем деле имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

125. Заявитель требовал выплаты 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Он утверждал, что испытал серьезный стресс и что в связи с необоснованным содержанием его под стражей его репутация была существенно испорчена. Он также утверждал, что содержание под стражей отрицательно сказалось на его здоровье.

126. Власти государства-ответчика не предоставили никаких замечаний, касающихся морального вреда, о котором говорил заявитель.

127. Европейский Суд считает, что заявитель испытал определенный стресс и тревогу в связи с нарушением его прав, гарантированных пунктом 3 статьи 5 Конвенции. Принимая решение на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 3 000 евро.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

128. Заявитель также требовал выплаты 4 837 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных при рассмотрении дела в Европейском Суде. Эта сумма включает расходы на оплату услуг адвоката при рассмотрении дела Палатой и Большой Палатой, расходы на проезд и проживание для обеспечения его присутствия на слушаниях в Большой Палате, а также некоторые почтовые расходы.

129. Власти государства-ответчика никак не прокомментировали потребованную заявителем сумму компенсации судебных расходов и издержек.

130. Согласно правоприменительной практике Европейского Суда заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек, только если доказано, что они были понесены в действительности и по необходимости и являлись разумными по количеству. Принимая во внимание нахо-

дящиеся в его распоряжении документы и вышеупомянутый критерий, Европейский Суд считает разумным присудить заявителю сумму, затребованную в качестве компенсации судебных расходов и издержек при рассмотрении дела в Европейском Суде.

C. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

131. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* 15 голосами «за» при двух – «против», предварительные возражения властей государства-ответчика, касающиеся неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты;

2) *объединил* с рассмотрением дела по существу единогласно предварительное возражение государства-ответчика, касающееся статуса жертвы, и отклонил его;

3) *постановил* единогласно, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;

4) *постановил* единогласно, что:

(a) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, применимому на день оплаты:

(i) 3 000 евро (три тысячи евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 4837 евро (четыре тысячи восемьсот тридцать семь евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента;

5) *отклонил* единогласно оставшиеся требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время публичных слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 5 июля 2016 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Гвидо РАЙМОНДИ
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты	Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) совместное совпадающее мнение судей Ангелики Нуссбергер и Пола Махони;

(b) совпадающее мнение судьи Роберта Спано, к которому присоединился судья Дмитрий Дедов;

(c) совместное частично несовпадающее мнение судей Андраша Шайо и Кшиштофа Войтычека.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНГЕЛИКИ НУССБЕРГЕР И ПОЛА МАХОНИ

Мы согласны с выводом судей Андраша Шайо и Кшиштофа Войтычека, выраженного в их совместном частично несовпадающем мнении, о том, что власти государства-ответчика не были лишены возможности выдвигать предварительное возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, поскольку, когда они были уведомлены о жалобе в январе 2010 года, любое содержание под стражей после 29 июня 2007 г. не было внесено в изложение фактических обстоятельств, подготовленное Секретариатом Суда, и их (власти) не просили комментировать этот период (см. § 65 настоящего Постановления). Власти государства-ответчика должны иметь возможность добросовестно полагаться на ясные указания Европейского Суда в отношении конвенционных вопросов, которые должны быть ими рассмотрены, не опасаясь лишиться права выдвижения соответствующих возражений в том случае, если в материалы дела позднее включаются дополнительные конвенционные вопросы, выходящие за рамки указаний Европейского Суда.

В то же время в конкретных обстоятельствах дела от заявителя нельзя было обоснованно ожидать, что он обжаловал бы постановления суда о применении домашнего ареста, вместо более строгой меры пресечения в виде заключения под стражу, принимая во внимание, что заявитель подверг бы себя риску усугубить свою ситуацию. Мы согласны с большинством судей в том, что в связи с указанным обстоятельством «он испытывал очевидное давление» (см. § 108 Постановления настоящего Постановления). Следовательно, по нашему мнению, хотя власти государства-ответчика, с точки зрения справедливой процедуры, не должны лишаться возможности представлять возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правой защиты, в обстоятельствах дела заявителя это возражение необоснованно по сути и должно быть отклонено. Таким образом, мы приходим к тому же выводу по этому вопросу, что и большинство судей, но используя разные доводы.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ РОБЕРТА СПАНО, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ ДМИТРИЙ ДЕДОВ

I

1. Сегодняшнее Постановление Большой Палаты содержит заслуживающее одобрения уточнение относительно прецедентной практики по пункту 3 статьи 5 Конвенции, касающееся требования того, что лишение свободы, чтобы сохранить свою силу, всегда должно основываться на относящихся к делу и достаточных основаниях. Я полностью согласен с Постановлением.

2. Однако я считаю необходимым представить особое мнение, чтобы подчеркнуть вопрос, рассматриваемый в §§ 106–110 настоящего Постановления, которые обусловлены аргументом, выдвинутым властями государства-ответчика, касающимся домашнего ареста заявителя. Власти Республики Молдова ссылались на тот факт, что заявитель сам ходатайствовал о своем помещении под домашний арест и не обжаловал постановления суда, санкционирующие эту меру. Европейский Суд исходит из того, что данный аргумент «поднимает важный вопрос, а именно, отказался ли заявитель от своего права на свободу», и в § 109 делает вывод о том, что он не готов на основе фактов дела признать, что согласие заявителя на домашний арест и упущение возможности обжалования данной меры равнозначны его отказу от прав, предусмотренных статьей 5 Конвенции.

3. Хотя обоснование по этому вопросу не совсем ясно, из него, по-видимому, можно сделать вывод, что Европейский Суд исходит из предположения о том, что в принципе лица, задержанные по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, своими действиями могут, по сути, отказаться от своего права на свободу. В силу нижеследующих причин, это предположение не основано на доктринальных или правовых принципах и не имеет никаких оснований в существующей прецедентной практике Европейского Суда. Другими словами, характер и суть основополагающего права на свободу, по моему мнению, не подпадает под действие ограничений, основанных на том факте, что лицо, лишенное свободы, рассматривается как лицо, отказавшееся от своих прав согласно статье 5 Конвенции.

II

4. Начнем с некоторых концептуальных замечаний. Чтобы возник вопрос о том, может ли лицо отказаться от своего права на свободу, следует исключить ситуации, когда указанное лицо фактически не было заключено под стражу по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Бездомный или бродяга, который заходит в отделение полиции и просится переночевать, и его помещают в камеру, не лишен свободы, если он может уйти, когда того пожелает. Следовательно, по определению лишение свободы возникает, когда данная мера, например, содержание под стражей в соответствующем учреждении или домашний арест, применяется со стороны государственного органа к не желающим этого лицам, таким образом ограничивая его или ее личную независимость и физическую неприкосновенность. Только в подобных ситуациях возникает вопрос о возможном согласии лица, и, соответственно, может ли (и в какой степени) согласие на помещение под стражу оказать влияние на защиту, предоставляемую статьей 5 Конвенции.

5. Чтобы пояснить это мнение далее, представим себе ситуацию, когда прокурор уведомляет лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, что считает, что были соблюдены все правовые условия для помещения подозреваемого под стражу в рамках избранной меры пресечения. Однако чтобы не тратить время, прокурор спрашивает, согласен ли подозреваемый с тем, чтобы его заключили под стражу на срок 30 дней, без запрашивания прокурором подтверждения суда, как это предусмотрено внутригосударственным законодательством. Подозреваемый соглашается, и его заключают под стражу.

6. Имеет ли согласие подозреваемого на применение превентивных мер какое-либо отношение к его праву на свободу? Иными словами, может ли то обстоятельство, что подозреваемый на основании ясного и осознанного согласия принял факт заключения его под стражу, ограничивать его защиту согласно статье 5 Конвенции, а именно, что заключение под стражу должно быть «законным» согласно пункту 1 и может быть разрешено только в соответствии с одним из подпунктов этого же пункта? Или же это означает, что государство более не обязано незамедлительно доставлять подозреваемого к судье согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции или предоставлять задержанному процессуальные гарантии незамедлительного рассмотрения судом правомерности заключения под стражу в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции с целью изучения вопроса, имеет ли по-прежнему содержание под стражей относящиеся к делу и достаточные основаниях?

7. На мой взгляд, ответ отрицательный. Характер и суть права на свободу согласно Конвенции не подвержены никакому анализу «отказа от прав», похожему на тот, который был принят Европейским Судом в соответствии со статьей 6 Конвенции. Аналогичным образом, и неудивительно, это была последовательная позиция Европейского Суда до сегодняшнего дня. В своей сложившейся прецедентной практике Европейский Суд провозгласил, что право на свободу в том значении, которое придает ему Конвенция, слишком важно в «демократическом обществе», чтобы человек лишился привилегии защиты на основании Конвенции по

одной только причине, что он сам сдался полиции. Принудительное содержание под стражей может нарушать статью 5 Конвенции, даже несмотря на согласие задержанного (см. Постановление Европейского Суда по делу «Венскуте против Литвы» (Venskutė v. Lithuania) от 11 декабря 2012 г., жалоба № 10645/08, § 72 с последующими ссылками, и Постановление Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (Storck v. Germany), жалоба № 61603/00, *ECHR* 2005-V, § 75). Кроме того, что касается важной надзорной роли Европейского Суда в этом отношении, Европейский Суд объявил в бельгийском деле о бродяжничестве 1971 года (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., Series A, № 12, § 65), что, «когда проблема затрагивает публичный порядок в пределах Совета Европы, то в каждом случае необходим скрупулезный контроль конвенционными органами за всеми мерами, которые могут нарушить права и свободы, гарантируемые Конвенцией».

8. В заключение, я со всем уважением полагаю, что в настоящем деле Большая Палата ошиблась, исходя из предположения о том, что отказ от права на свободу в принципе возможен согласно статье 5 Конвенции. Довод властей государства-ответчика относительно согласия заявителя на домашний арест по сути следовало бы рассматривать, как довод о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции. Принимая во внимание гибкую концепцию исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в прецедентной практике Европейского Суда, данный довод должен был быть тогда отклонен, а Европейский Суд должен был признать, что, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, заявитель не был обязан оспаривать судебные постановления, санкционирующие эту меру.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО И КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. При всем уважении, мы не согласны с мнением большинства судей по вопросу о том, следует ли отклонить возражение властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты

I

2. Настоящее дело поднимает серьезный вопрос процессуальной справедливости. Эффективная защита конвенционных прав требует не только соблюдения процессуальных прав сторон при рассмотрении дела в Европейском Суде, но также взаимного доверия в отношениях между Европейским Судом и сторонами. Поэтому, если Европейский Суд дает инструкции сторонам, последние должны быть уверены в том, что, если они добросовестно исполнят эти указания, они не окажутся в правовой ловушке, и что в результате не будут затронуты их законные процессуальные интересы.

3. В настоящем деле Европейский Суд на стадии уведомления о жалобе подготовил изложение фактических обстоятельств, в котором были перечислены события, произошедшие до вынесения Апелляционной палатой г. Кишинева постановления от 29 июня 2007 г. Европейский Суд также информировал стороны о жалобах заявителя на нарушение статьи 5 Конвенции следующим образом:

> «Заявитель жалуется, ссылаясь на пункты 1 и 4 статьи 5 Конвенции, что суды санкционировали, а затем продлили срок содержания его под стражей до суда без предоставления соответствующих и достаточных оснований для этого».

Следующее указание содержалось в письме из Секретариата Суда от 18 января 2010 г.:

> «Если власти государства-ответчика примут решение о представлении замечаний, они должны рассматривать только жалобы, касающиеся доводов для заключения под стражу до суда (пункт 3 статьи 5 Конвенции), изложенных в документе, прилагаемом к данному письму».

Как отмечалось выше, в прилагаемом документе содержались только факты, имевшие место до 29 июня 2007 г. Вопрос о домашнем аресте не упоминался в изложении фактических обстоятельств дела. Властям государства-ответчика никогда прямо не предлагалось комментировать данный аспект дела.

4. В письме от 16 июня 2011 г. власти Республика Молдова подробно изложили ход событий, имевших место после 29 июня 2007 г. Они также сообщили, что не будут рассматривать эти события, «учитывая жалобы заявителя и определенные Европейским Судом пределы рассмотрения дела, установленные при уведомлении о жалобе». Исходя из этого в своих замечаниях власти государства-ответчика не рассматривали вопрос о том, исчерпал ли заявитель все средства внутригосударственной правовой защиты применительно к вопросу о домашнем аресте.

Верно, что в делах, касающихся длящейся ситуации, власти государства-ответчика должны комментировать все события, имевшие место после официального уведомления о жалобе, которые являются частью указанной длящейся ситуации. Однако оценка того, являются ли содержание под стражей в рамках избранной меры пресечения и последующий домашний арест элементами одной длящейся ситуации, является далеко не очевидной. Именно это является основным вопросом в настоящем деле.

В настоящем деле заявитель был освобожден из-под стражи и помещен под домашний арест по-

становлением от 20 июля 2007 г. Нет сомнений, что домашний арест представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. В то же время условия домашнего ареста существенно отличаются от условий содержания под стражей в рамках избранной меры пресечения. Следовательно, вопрос о том, является ли домашний арест частью длящейся ситуации, которая начинается с содержания под стражей в рамках избранной меры пресечения в целях оценки исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, является вопросом, по которому два здравомыслящих адвоката могут не договориться. Нет оснований усомниться в том, что власти государства-ответчика, отвечая на уведомление Европейского Суда о деле, следовали указаниям Европейского Суда строго и добросовестно. В данном контексте невозможно обвинить власти Республики Молдова в том, что они не выдвинули возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении домашнего ареста до вынесения Палатой Постановления по делу. Принимая во внимание содержание указаний, направленных властям государства-ответчика на этапе уведомления, Европейский Суд утратил право использовать аргумент опоздания.

5. Несмотря на изложенное большинство судей решили отклонить возражение властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты как выдвинутое с опозданием. На стадии рассмотрения дела в Большой Палате просто несправедливо обвинять власти государства-ответчика, которые только пытались выполнить полученные ими указания, за то, что они ранее не подняли вопрос об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты. По нашему мнению, отклонение возражения властей Республики Молдова о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты является нарушением принципа процессуальной справедливости.

II

6. Мы полностью согласны с большинством судей в том, что позиция заявителя по отношению к домашнему аресту и отсутствие обжалования этой меры не означают отказ заявителя от его права на свободу (см. § 109 настоящего Постановления). Однако мы не убеждены в том, что нельзя было обоснованно ожидать, что заявитель оспорит постановления суда, санкционирующие его домашний арест (см. § 108 настоящего Постановления). Данное утверждение большинства судей основывается на предположении о структурном недостатке правовой системы Республики Молдова и преследовании заявителя компетентными органами. Однако нет никаких оснований полагать, что обжалование заявителем факта применения к нему домашнего ареста поставило бы его под угрозу того, что к нему вновь бы применили меру пресечения в виде заключения под стражу.

III

7. По приведенным выше причинам мы проголосовали против отклонения возражения властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.